

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В.ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

ЯКУШКИНА ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА

**Сербскохорватская лексика в общеславянском контексте: семантика
и география**

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук
специальность: 10.02.03 – славянские языки

МОСКВА

2021

Работа выполнена на кафедре славянской филологии филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Официальные оппоненты:

Ж.Ж.Варбот, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующая отделом этимологии и ономастики ФГБУН «Институт русского языка им. В.В.Виноградова»

Т.И.Вендина, доктор филологических наук, профессор, руководитель Центра ареальной лингвистики ФГБУН «Институт славяноведения РАН»

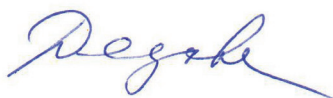
Е.Л.Березович, доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заведующая кафедрой русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации департамента «Филологический факультет» ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н.Ельцина»

Защита диссертации состоится 19 мая 2021 г. в 14 час. 00 мин. на заседании диссертационного совета МГУ.10.01 Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова по адресу: 119991 ГСП-1, Москва, Ленинские горы, МГУ имени М. В. Ломоносова, 1-й корпус гуманитарных факультетов, филологический факультет.

Е-mail: slavlang@philol.msu.ru. С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М. В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27). Со сведениями о регистрации участия в защите в удаленном интерактивном режиме и с диссертацией в электронном виде также можно ознакомиться на сайте ИАС «ИСТИНА»: <https://istina.msu.ru/dissertations/352485113/>.

Автореферат разослан « » _____ 2021 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор филологических наук

О. В. Дедова

Общая характеристика работы

Объектом исследования в настоящей работе является лексика сербскохорватского диалектного континуума, которая рассматривается в сравнительно-лексикологическом, этнолингвистическом и лингвогеографическом аспектах.

Предметом диссертационного исследования являются: 1) синонимические отношения: а) между сербскохорватскими континуантами праславянских слов; б) между словами, возникшими на почве сербскохорватского языка; 2) семантические трансформации в сербскохорватской лексике праславянского происхождения в сопоставлении с аналогичными явлениями в других славянских языках; 3) семантика «ключевых» слов сербскохорватской народной секулярной этики и их роль в формировании языковой картины мира; 4) роль заимствований (турцизмов) в формировании семантической структуры сербскохорватского языка в их отношении к славянским синонимам; 5) диалектное распределение синонимов в сербскохорватском языковом континууме, их география и демонстрируемые ими ареалы.

Актуальность исследования. Диссертация вписывается в круг работ по сербскохорватской диалектной лексикологии (ср. исследования Н.Богдановича, М.Бьелетич, Я.Влайич-Попович, С.Милорадович, Р.Драгичевич, Л.Недельков и др.), которая в настоящее время развивается очень интенсивно. В отечественной славистике феномены южнославянской лексики с лингвогеографической точки зрения получили подробное освещение в исследованиях А.А.Плотниковой («Этнолингвистическая география Южной Славии») и Л.В.Куркиной («Диалектная структура праславянского языка по данным южнославянской лексики»).

Не менее актуальна данная тема для отечественной лингвистической славистики в целом. В настоящее время в отечественной славистике изучение народной культуры и славянского диалектного материала, в особенности основанное на полевых записях, представляет собой одно из приоритетных направлений (исследования Е.Л. Березович, М.А. Макарцева, А.А. Плотниковой, Г.П. Пилипенко, И.А. Седаковой, А.Н. Соболева, С.М. Толстой,

Е.С. Узеновой и др.). Исследования славянской диалектной лексики в общеславянском контексте в XXI в. переживают подъем в связи с бурным развитием славянской диалектной лексикографии и лингвогеографии, которые дали неисчерпаемый материал для лексикологического анализа. Расцвет славянской лингвогеографии выражается прежде всего в публикации «Общеславянского лингвистического атласа», в том числе нескольких лексических выпусков, что стало отправной точкой для интерпретации славянских лексических изоглосс (исследования Т.И.Вендиной). Ареалогическому изучению славянской лексики посвящен крупный научный проект «Малый диалектологический атлас балканских языков», возглавляемый А.Н.Соболевым.

Диссертация тесно связана с таким, безусловно, актуальным направлением в славистике, как диахронические семантические исследования (работы Ж.Ж.Варбот, Л.В.Куркиной, С.М.Толстой). Особенно актуальной ее делает изучение отношений между словами праславянского происхождения, что имеет важное значение для уточнения представления о внутреннем устройстве лексики праславянского языка и его диалектной структуре.

Новизна исследования. Настоящее исследование заполняет определенную лакуну, связанную с отсутствием работ, в которых бы систематически описывались семантические и лингвогеографические характеристики сербскохорватской лексики. Славистика располагает исследованиями отдельных вопросов семантики и географии сербскохорватских слов, однако комплексного сравнительно-лексикологического, этнолингвистического и лингвогеографического анализа сербскохорватской лексики до сих пор не осуществлялось. Подобных исследований семантических отношений не предпринималось и на материале других славянских языков.

Материалом для исследования послужил обширный корпус сербскохорватской лексики и лексики других славянских языков. В качестве источников использовались сербскохорватские диалектные словари и словари общенародного сербскохорватского языка и литературных сербского и хорватского языков; национальные корпуса сербского языка и других славянских языков; диалектные словари и картотеки диалектных и

исторических словарей славянских языков; произведения сербского фольклора и сербской литературы; этнографические описания сербских областей; опубликованные и архивные материалы «Общеславянского лингвистического атласа»; архивные материалы «Лексического атласа русских народных говоров»; данные анкетирования носителей сербскохорватского и других славянских языков; собственные полевые записи, сделанные в ходе экспедиций: 1) с. Кола и Ситница, Босния и Герцеговина, 2) с. Шеховци, Подрашница и Барачи, Босния и Герцеговина, 3) с. Сиче и Нови Град, Хорватия, в ходе которых собран материал от 20 информантов по лексическому вопроснику, охватывающему основные тематические группы лексики («Семья», «Части тела», «Домашнее хозяйство» и т.д.), а также лексические анкеты, заполненные образованными носителями народных говоров.

Цель работы – выявление синонимических отношений в сербскохорватской лексике праславянского происхождения и в сербскохорватских новообразованиях и выявление закономерностей в ареальном распределении сербскохорватской лексики; соотнесение этих отношений и ареальной структуры с общеславянским контекстом.

В работе решаются следующие **задачи**:

- 1) выявить элементы лексической системы (гнезда, лексемы, синонимические ряды), которые в семантическом или ареальном отношении могут служить важными характеристиками сербскохорватского языка;
- 2) рассмотреть этимологические гнезда, имеющие сложную полисемантическую структуру и реконструировать семантические отношения внутри этих гнезд;
- 3) описать трансформации значений, отраженные в семантических спектрах праславянских слов;
- 4) выявить семантические отношения между синонимами-континуантами праславянских слов;
- 5) определить специфику в семантическом развитии слов, обозначающих культурные концепты;
- 6) выявить семантическую специфику турцизмов с абстрактным значением, отличающую их от синонимичных исконных славянских слов;

7) установить ареалы, демонстрируемые в сербскохорватском языковом континууме междиалектными лексическими синонимами;

8) выделить лексические изоглоссы праславянского происхождения в сербскохорватском диалектном континууме;

9) выявить характерные признаки в лексике отдельных областей данного континуума (на полевом материале).

Основные используемые в работе **методы**: метод семантической реконструкции (применительно к лексике праславянского языка и применительно к словам сербскохорватского диалектного языка), сопоставительный, этнолингвистический и лингвогеографический методы.

Теоретическая значимость работы состоит в выявлении закономерностей семантического развития слов праславянского происхождения; в реконструкции ряда сербских культурных концептов; в описании лексических изоглосс, членящих сербскохорватское языковое пространство. Выделение подобных характеристик для отдельного славянского языка может способствовать решению проблемы диалектного членения праславянского языка и этногенеза славян. Исследование лексики одного славянского языка в его отношении к праславянскому имеет большое значение для сравнительно-исторического изучения славянских языков и может пролить свет на проблемы функционирования праславянской лексики, в том числе на проблему синонимии в праславянском языке.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования полученных результатов в сравнительно-лексикологических, этнолингвистических и лингвогеографических исследованиях; в этимологических и этнолингвистических словарях; в учебной практике: при подготовке курса лекций по сравнительной славянской лексикологии и семасиологии, сербскохорватской диалектологии, славянской этнолингвистике; в разработке методики полевых диалектологических и этнолингвистических исследований.

Структура работы. Семантический, этнолингвистический и лингвогеографический аспекты анализа сербскохорватской лексики определили трехчастную структуру работы. **Первая глава** «Сравнительно-лексикологический анализ сербскохорватской лексики» посвящена

семантической реконструкции лексики праславянского происхождения и содержит три раздела: «Семантический параллелизм этимологических гнезд», «Синонимия и многозначность лексем праславянского происхождения», «Лексические синонимы типологического происхождения» (параллельно возникшие на почве разных славянских языков). Каждый из разделов состоит из параграфов, в которых анализируется конкретное этимологическое гнездо, лексема или синонимический ряд или пара. В целом в данной главе исследуются следующие лексем и гнезда: **kriv-*, **kos-*, *lōk-*, **pak-* / **opak-*, **grěx-*, **prav-*; **gor-*, **žar-*, **smag-*, **praž-*, **smal-*, **top-*, **kal-*, **var-*, **vyr-*, **kyp-*, **zn-*, **par-*, **užiti/ *uživati*, **paliti*, **žegti*, **pekti*, **zēlje*, **lēpъ*, **svętkъ*, **porzъdnikъ*. Выбор данных лексем и гнезд в качестве предмета исследования связан с их развитой многозначностью или возможностью вступать в синонимические отношения.

Вторая глава «Сербскохорватская лексика в этнолингвистическом освещении» посвящена анализу семантики лексем с этическим значением и со значением судьбы (*образ, част, чојство, јунаштво, судбина, срећа*), в том числе выраженных турецкими заимствованиями (*кисмет, игбал, нафака, бат, инат, мерак, ђеф*). Глава состоит из двух разделов: «Синонимы в этической лексике» и «Турцизмы как источник синонимии в сербском языке». В **третьей главе**, «Сербскохорватская лексика в ареалогическом освещении. Междialeктные синонимы в сербскохорватских говорах», на материале «Общеславянского лингвистического атласа» реконструируются сербскохорватские ареалы, выделяемые на основании пучков лексических изоглосс; рассматриваются ареальные характеристики синонимов праславянского происхождения; выделяются лексические признаки отдельных областей. В **приложении** содержатся данные экспедиционных лексических анкет.

Положения, выносимые на защиту:

1. Лексико-семантическая система сербскохорватского языка реализует семантические связи и синонимические отношения, существовавшие в праславянском языке в форме семантического параллелизма гнезд и синонимии отдельных лексем. Индивидуальность сербскохорватского языка, как и любого другого, в реализации семантического параллелизма минимальна

и проявляется в предпочтении конкретного корня для выражения того или иного значения.

2. Специфика сербскохорватского языка в семантическом развитии праславянских лексем определяется его географически центральной позицией в южнославянском и общеславянском пространстве. Сербскохорватский язык переживает общие семантические процессы с южнославянскими и чешским и словацким языками.

3. Турцизмы с абстрактным значением в сербскохорватской лексико-семантической системе отличаются по своему семантическому наполнению от своих частичных синонимов славянского происхождения. По сравнению с близкими по значению славянскими словами они выражают специфические концепты или характеризуются более узкой семантикой.

4. Междиалектные синонимы в сербскохорватском диалектном континууме демонстрируют два основных ареальных противопоставления: восток – запад и центр – периферия. Диалекты сербскохорватского языка не обнаруживают значительной и территориально строго очерченной лексической дифференциации, восходящей к праславянскому периоду.

5. Одним из источников синонимии в сербскохорватской абстрактной лексике, обозначающей традиционные культурные концепты, являются иноязычные образцы и влияние элитарной культуры.

Апробация работы. Материал, методология и результаты исследования отражены в десятках публикаций, в том числе в изданиях, рекомендованных ВАК, и обсуждены на 25 международных и российских конференциях (в том числе: The 2020 Slavic Linguistics Society Meeting (September 4–6, Indiana University (Bloomington, IN, USA); 50. научни састанak слависта у Вукове дане, Белград, Сербия, 16–19 септембра 2020; XVI Международныи съезд славистов, Белград, Сербия, 19–27 августа 2018; Српско језичко и књижевно наслеђе на простору данашње Црне Горе. Српски језик и књижевност данас, Подгорица, Черногория, 26–28 мая 2017); Славянские языки и культуры в современном мире: III Международныи научныи симпозиум, МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, 23–26 мая 2016 г.; XIV Международныи съезд славистов, Охрид, Македония, 10–16 септембра 2008 и др.). Диссертация была

обсуждена на заседании кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова. Материал, методология и результаты исследования были использованы при чтении курсов «История и диалектология сербского языка», «Сербский язык и сербская культура», «Лексико-грамматические проблемы сербского языка».

Основное содержание работы

Во **Введении** формулируются задачи работы и описывается ее научный контекст. Дается обзор исследований в области сербской диалектной лексикологии, лексической лингвогеографии сербскохорватского ареала и реконструкции сербских культурных концептов.

В **главе I** «Сравнительно-лексикологический анализ сербскохорватской лексики» исследуются семантические отношения между близкими по значению лексемами, а также отношения внутри семантических полей многозначных лексем на общеславянском фоне.

В **разделе I.1** на примере гнезд с семантикой ‘кривой’ – ‘прямой’ и с семантикой горения рассматривается явление семантического параллелизма между этимологическими гнездами, а именно развитие сходной семантической структуры в гнездах с близким исходным значением корня.

Так, особенностью корневых групп **kriv-*, **kos-*, *lōk-*, **pak-* / **opak-*, **grěx-*, **prav-* (§ I.1.1) является развитие ими в сфере вторичной номинации однородных значений, связанных с категориями нормы и аномалии. Среди нормативных значений «прямого», «кривого» и «обратного» выделяются значения, описывающие аномальные реалии, действия, признаки (семантика деформации, порчи, дефекта: с.-х. *крив* ‘горбатый, увечный’, *крива* ‘болезнь, случающаяся с людьми от испуга’, русск. *кривой* ‘одноглазый’, с.-х. *грешити* ‘плохо работать’, *пакља* ‘человек, не выговаривающий некоторые звуки’, словен. *spaka* ‘урод, уродство’, русск. *опакуша* ‘человек, который вяло и невнятно говорит’)¹ и оценочные значения (нормативные, истинностные, этические и т.д.: ср. с.-х. *крив* ‘грешный, нечестный’, *грех*, *опачина* ‘грех, преступление’, *косец* ‘злой, резкий, грубый человек’, *лукав* ‘хитрый’, макед.

¹ Примеры, демонстрирующие общеславянский контекст сербскохорватского слова, приводятся

опак ‘злой’, словен. *spak* ‘злость’, русск. *опачный* ‘упрямый’. «Прямое» в сфере вторичной номинации выступает почти исключительно как инструмент чистой оценки (с.-х. *право* ‘хорошо, правильно’, *прав* ‘unshuldig’), тогда как в предметной области, акцентирующей внимание на отклонениях от нормы, его роль значительно ослаблена.

Обозначения температурных процессов (**gorěti*, **polěti*, **vьrěti*, **kypěti*, **prěti*, **zněti*, **kuriti*, **pariti*) и температурных воздействий (**paliti*, **žegti*, **žariti*, **pekti*, **variti* и пр.) (§ I.1.2) регулярно используются для номинации метеорологических явлений (с.-х. *врућина*, *жега*, польск. *upał*, макед. *нек*, укр. *снека*, русск. *некло*, *жара*, *зной*), а также гниения (с.-х. *ужећ*, *палити* ‘прогоркнуть’, бел. *kinić* ‘гниет’, русск. *гореть* ‘преть, гнить’, *жгань* ‘перепревший навоз’), прокисания (с.-х. *наварит се* ‘прокиснуть’), потения и увлажнения (с.-х. *жар* ‘болото, ил, грязь’, *зножити* ‘мочить’). Значения воздействия теплом и огнем легли в основу славянской кулинарной семантики (**pekti*, **pražiti*, **variti*, а также хорват. чак. *paliti* ‘печь хлеб’). Температурный код регулярно используется при описании физиологических процессов в теле человека (с.-х. *горавица* ‘лихорадка’, *горушица*, укр. *печія*, польск. *pieczenie* ‘изжога’, с.-х. *запальєње*, болг. *запал*, *припал* ‘воспаление’, с.-х. *рану пече* ‘жжет рану’, словацк. *koža páli* ‘жжет кожу’), осмыслении проявлений человеческой психики (с.-х. *нека* ‘страдание, угрызения совести, гнев’, русск. *горе*, *печаль*, др.-русс. *смага* ‘тоска, горечь’, словен. *gore*, чеш. *hoře*, др.-польск. *gorze* ‘горе’, чеш. *péče* ‘забота’). Для единиц данного поля характерны значения интенсивности (в.-луж. *jara* ‘очень’, русск. *жарчей* ‘больше’), силы (с.-х. *жар* ‘сила’), скорости (бел. *жарыць*, русск. *нажаривать* ‘делать что-либо спешно’, словацк. *robi ako bi páliu* ‘делать очень быстро’), быстрого движения (с.-х. *жаракати* ‘быстро переводить взгляд, стрелять глазами’, *жарити* ‘сильно течь (о воде)’), русск. *обжигать* ‘быстро оглядеть, окинуть взглядом’, бел. *смаліць* ‘быстро ехать, быстро что-то делать’), удара (с.-х. *жарити* ‘бить ногой, толкать’, русск. *огреть*, *ожгать* ‘больно ударить кого-либо’, чеш. *žáhnouti* ‘ударить (бичем)’, бел. *смаліць* ‘бить, стегать’), обмана и насилия (с.-х. *палити* ‘обманывать’, русск. *нагреть* ‘обмануть’).

В разделе I.2 «Синонимия и многозначность лексем праславянского происхождения» рассматривается семантика континуантов отдельных праславянских лексем, вступающих в синонимические отношения и/или имеющих сложную структуру многозначности. Материалом послужили глаголы **užiti/*uživati* ‘пользоваться, наслаждаться’ (§ I.2.1), **paliti*, **žegti*, **pekti* ‘палить, жечь, печь’ и другие глаголы температурного воздействия (§ I.2.2), существительное **zelbje* ‘трава, овощ, отравы’ (§ I.2.3), прилагательное **lěpъ* ‘красивый, хороший’ (§ I.2.4), существительные **svęтьсь*, **porzdbnikъ*, **bolgъ dьнь* ‘праздник’ (§ I.2.5).

В сербскохорватском, словенском, чешском, словацком и польском языках в глаголе **užiti/*uživati* на основе значения ‘пользоваться’ сформировалось значение ‘наслаждаться’. Такой переход, по всей видимости, был обусловлен существованием в праславянской лексико-семантической системе значения использования как владения или потребления, при котором объект служит человеку или приносит ему пользу, обеспечивая его жизнь. Основание для такого предположения дают современные значения данных глаголов в языках, в которых **užiti/*uživati* не стали основным средством выражения семантики использования. Это, во-первых, владение имуществом (с.-х. *по тестаменту док је жива, она све ужива* «согласно завещанию, пока она жива, она распоряжается всем имуществом», словен. *svojega bogatstva ni mogel, znal užiti* «не сумел воспользоваться своим богатством») и, во-вторых, – употребление чего-либо внутрь (пищи, напитков, лекарств и пр.: с.-х., русин. *уживати*, польск. *używać* ‘есть’, словен. *užiti* ‘есть, пить’). Данный вид использования, мотивированный семантикой жизни, противопоставляется инструментальному использованию предмета для достижения какой-то цели, выражаемому глаголом **koristiti*. Развитие значения наслаждения в глаголе **užiti/*uživati* фактически является не семантическим переходом, а разложением синкретичного значения пользования жизненными ресурсами (с.-х. *уживати у животу, у књижи* ‘наслаждаться жизнью, книгой’, словен. *uživati življenje/uživati v življenju* ‘наслаждаться жизнью’, словацк. *dost’ sa užili cez dovolenku*, чеш. *o dovolené se spolu hodně užili* «они хорошо провели отпуск»). То, как выделялось новое значение, иллюстрируют промежуточные контексты, в которых

наблюдается семантический синкретизм **užiti/*uživati* (*његови ће синови плодове уживати* «его сыновья будут пользоваться/наслаждаться плодами»).

Содержащуюся в разделе I.1 характеристику поля температурных процессов в § I.2.2 дополняет семантическая реконструкция отдельных элементов этого поля (**pekti*, **paliti*, **žegti*) с учетом их взаимосвязей с семантическими коррелятами. Данный уровень анализа связан с исследованием оппозиций, возникающих между словами в поле, и семантических параметров, их противопоставляющих. Выделение этих параметров производится на основе описания различий в семантических спектрах соответствующих гнезд (**paliti*, **žegti*) и между прямыми значениями элементов поля в современных славянских языках (**pekti*, **žariti*, **variti* и др., а также **paliti*, **žegti*).

Лексико-семантическая типология современных славянских кулинарных глаголов позволяет реконструировать древнюю кулинарную семантику глагола **pekti* как ‘приготавливать пищу на костре или в печи воздействием тепла от раскаленной поверхности или непосредственно от огня’, противопоставленную семантике глагола **variti* ‘приготавливать пищу воздействием тепла от воды’. Для синонимов **paliti* и **žegti* на основании контекстов их употребления в языках, сохранивших эту синонимическую пару, и на основании спектров их значений реконструируются такие дифференциальные семантические признаки, как, с одной стороны, стихийность, вредоносность и масштабность производимого огнем действия, одновременно с направленностью на поверхность, в том числе с функцией ее очищения, и с другой стороны – глубокое воздействие огнем (ср., например, *обожженные деревья* (существенно поврежденные) и *опаленные деревья* (деревья, у которых обгорела листва), ц.-слав. *палимая нежегомо* (о неопалимой купине) «куст, горевший и не сгоравший», семантику укола, укуса, клейма в гнезде **žeg-* (с.-х., болг., макед. *жиг* ‘клеймо’, польск. *żgać* ‘колоть, ударять ножом’, русск. *жегошка* ‘клец’) и семантику пламени в гнезде **pal-* (русск. *палиха* ‘подпаленная пресная лепешка’, *палел* ‘костер’)).

В § I.2.3 на примере слова **zelbje*, вероятно, обозначавшего в праславянском языке разного рода травянистые растения, рассматривается семантическая вариация предметного существительного в разных славянских языках и семантический потенциал зеленого цвета и травы. Варьирование

семантики **zelbje* в славянских языках происходит в диапазоне признаков «полезный – вредоносный» и «дикий – культурный». Языки юго-западного ареала (южнославянские, чешский и словацкий) тяготеют к обозначению этой лексемой полезных культурных растений, прежде всего капусты (чеш. *zelí*, словацк. диал. *zelie*, словен., хорв. *zelje*, болг. *зеле*), а также различной съедобной зелени (серб. *зеле* ‘щавель’). В восточнославянских же языках широко распространено значение дикорастущего растения (русск. диал. *зеле* ‘трава, сорняки, бурьян’). Семантическую структуру лексемы в сербскохорватском языке можно считать переходной от южного типа к восточному, поскольку в сербскохорватских говорах она может обозначать как культурное растение (листовые овощи), так и дикорастущую траву с различными свойствами (крапиву, лебеду и др.). Польский язык по признакам «дикий – культурный» в семантике континуантов лексемы **zelbje* также занимает промежуточное положение между южнославянскими и восточнославянскими языками (ср. значения ‘однолетнее растение с зеленым стеблем’, ‘горох’, обозначение некоторых видов съедобных и лекарственных трав). Значение лекарственного или ядовитого растения – еще один мотив в семантике лексемы, характерный для центральной и восточной Славии. Польский и украинский языки являются центром ареала распространения у лексемы значения ‘лекарственное растение’, к которому с запада и юга примыкают серболужицкие и сербский языки. Русский же язык, в основном, демонстрирует значение не лекарственной травы, а лечебного травяного настоя (то же значение представлено и в белорусском языке). Продолжениям слова **zelbje* во всех восточнославянских языках свойственны значения отравы, колдовского зелья, алкоголя, плохого человека, то есть устойчивая связь со злом, что может быть как развитием значения дикого, вредоносного в самом слове *зеле*, так и корениться в семантике травы и зеленого, для которых характерен ряд негативных коннотаций. Не исключено и народно-этимологическое притяжение *зеле* ‘отрава’ к гнезду *злой*.

§ 1.2.4 посвящен семантике современного сербскохорватского слова *леп* ‘красивый’. Сербскохорватский материал, а также материал других славянских языков, сохранивших континуанты **lěpъ*, свидетельствует о двузначности или

семантической синкретичности этого прилагательного, совмещающего значения эстетической и общей положительной оценки – ‘красивый, хороший’ (с.-х. *lep posao*, словен. *lepa služba* ‘хорошая работа’, польск. *lepsy*, чеш., словацк. *lepší*, ниж.-луж. *lěpši* ‘лучший’, русск. диал. *выбрала лепшейших морковин*). Значение ‘красивый’ в **lěpъ*, по всей видимости, вторично по отношению к ‘хороший’ и в этом случае для **lěpъ* необходимо предположить какой-то древний семантический компонент, который придавал этому слову значение особой формы добра, по сравнению с лексемой **dobrъ*, а также **bolgъ*.

Вероятно, **lěpъ* первоначально заключал в себе не современную идею красоты, а идею совершенства, пригодности, общего положительного впечатления от вида предмета. В таком значении продолжения **lěpъ/*lěpo* употреблялись в старославянских и древнесербских текстах (*тако ли лѣпо вамъ есть на таковыя муже въоружати се?*). В современном сербскохорватском языке выбор оценки *леп/лепо* вместо *добар/добро* указывает на то, что объект или ситуация устраивают говорящего, нравятся, «приятны» ему (в этом смысле оценка *леп/лепо* более субъективна, чем оценка *добар/добро*, передавая личное впечатление от реальности, а не общепринятое мнение). Связь *лепо* с идеей соответствия норме проявляется в употреблениях, когда это слово теряет свое основное лексическое значение, а означает, что действие выполняется как положено: *а кад дође к њему, он стане лијено са својим коњем, па га запита, шта ће* «когда он к нему пришел, тот, как полагается, остановил коня и спросил его, чего он хочет».

О вторичности идеи красоты по сравнению с идеей пригодности в сербскохорватской (шире – славянской) традиционной культуре свидетельствует то, что в сербскохорватском фольклоре (кроме любовных песен «севдалинок») эстетический идеал фактически не находит своего выражения: народная проза и эпический и лирический фольклор не содержат описаний красоты лица или тела, а само слово *леп* встречается в текстах этих жанров достаточно редко. В пословицах же слово *л(и)јено*, как правило, вовлекается в отрицательное ассоциативное поле (например, *залуд је лијена брада кад је слаба глава* «зачем человеку красивая борода, если у него слабая голова»).

В §1.2.5 анализируется семантика и география сербскохорватских обозначений праздничного дня **svętkъ*, **svęтьсь*, **porzdъnikъ*, **bolgъ dънь* и их дериватов.

Лексемы со значением ‘праздник’, мотивированные корнем **svęt-*, в различной форме и с разной степенью частотности встречаются во всех славянских языках, кроме болгарского. В сербскохорватских говорах представлены две лексемы: **svętkъ* и **svęтьсь*. Название **svętkъ* повсеместно фиксируется в чешских и словацких и некоторых словенских говорах, присутствует оно и в польском языке. На сербскохорватской территории этот архаизм сохранили кайкавские и чакавские говоры (*svetak*, *svetek*), а также косовские. Лексическая близость хорватских кайкавских и чакавских говоров к чешско-словацким – характерное явление, как и продолжение подобных изоглосс на востоке южнославянского ареала, опоясывающих штокавскую территорию (ср. *gnoj* ‘навоз’, *pravje*, *pravi* ‘рассказывает’, **pletji-*, **pletja* ‘спина’ и др.). В данном случае инновационной метонимией в штокавских говорах стало использование для наименования праздника лексемы *светац*, исходно ‘святой, прославленный Церковью в лике святых’. Хотя слово *светак* не характерно для большинства штокавских говоров, в них представлены его дериваты (ср. *светковати* ‘праздновать’).

Название нерабочего дня на базе гнезда **porzd-*, по всей видимости, является южнославянским диалектизмом (в русском языке соответствующее слово заимствовано из церковнославянского). Слово **porzdъnikъ* повсеместно распространено на болгарской территории и практически повсеместно употребляется в македонских и словенских говорах. На территории Сербии, Черногории и Боснии и Герцеговины эта лексема встречается наряду с образованиями от **svęt-*, но на территории Хорватии континуанты **porzdъnikъ* в ОЛА не зафиксированы. «Нерабочий день» в народной культуре воспринимается не как день «выходной», а как день, в который не принято работать, ср. общеслав. **neděl’a* и сербский диал. глагол *празновати*, выражающий значение «соблюдать запрет на работу в церковный праздник», без указания на какие-то обрядовые действия (ср. *сад се не празнује сваки светац* «сейчас по некоторым праздникам работают»).

Раздел I.3 «Лексические синонимы типологического происхождения» посвящен описанию сербскохорватских глаголов понимания *razumeti* и *shvatiti* и их инославянских аналогов.

Наиболее широкая сфера употребления продолжений глагола **orzuměti* из всех славянских языков отмечается в польском, украинском и белорусском языках, а также в словенском и серболужицком. В прочих славянских языках в период с XIV по XVIII в. глагол **orzuměti* был вытеснен на периферию поля лексемами с исходным значением действия рукой – ‘разобрать’, ‘взять’, ‘схватить’ (болг. *разбирам*, макед. *разбира*, *сфаќа*, русск. *понимать*, чеш. *chápat*, словацк. *chápat’*, с.-х. *sхватати/shvaćati*).

Обращает на себя внимание близкое распределение значений между синонимами «разуметь» и «схватить» в современном чешском, словацком, сербскохорватском языках и в русском литературном языке XVIII в., а также сходные пути развития ментального значения у глаголов хватания в разных славянских языках.

В сербскохорватском, чешском и словацком языках ядром значения глагола **orzuměti* является распознавание языковых знаков (общая языковая компетенция: с.-х. *разумем енглески*, словацк. *rozumiet po anglicky* «я понимаю по-английски»; понимание речи: с.-х. *извините, не разумем вас, говорите полако* «Простите, я не понимаю. Говорите, пожалуйста, медленнее» и др.). К сложным языковым объектам, содержание которых может не вытекать из смысла составляющих их слов (предложение, фраза, текст), может применяться глагол «хватать», хотя предпочтителен в таких контекстах глагол **orzuměti*: с.-х. *Нисам разумео/ схватио ову реченицу*, чеш. *Té větě nerozumím / Tu větu nechápu* «Я не понял (не понимаю) этого предложения». Употребление глагола **orzuměti* в данных контекстах указывает на то, что субъект не понимает, что означает языковая форма, а употребление глагола «хватать», – что он не может проникнуть в смысл текста. Ср. словацк. *Rozumel som tomu, čo ľudia hovorili, rozumel som tomu, čo som videl, ale nechápal som zmysel* «Я понимал, что говорили люди, понимал, что происходило вокруг, но не улавливал смысл всего этого». С оппозицией ‘понять форму’ – ‘понять смысл’ связано

противопоставление более простого и более сложного понимания, тем самым более общего, объективного и более индивидуального, субъективного.

Глагол **orzuměti* сочетается с простыми информационными объектами, смысл которых очевиден, ср. с.-х. *Разумем да се од пензије не може живети* «Я понимаю, что на пенсию прожить нельзя». Понимание факта или ситуации, обозначаемое глаголом с семантикой хватания, носит опытный характер, это вывод, сделанный на основании наблюдений – внешних признаков, которые человек по-своему интерпретирует: словацк. *Pochopila som, že život nie je jednoduchý*; с.-х. *Схватила сам да живот није једноставан* «Я поняла, что жизнь – сложная штука».

Сходным образом происходило распределение значений и в русской паре *разуметь – понять* в языке XVIII – первой половины XIX в. В XVIII – начале XIX в., по данным НКРЯ, в русском языке значения ‘понимать язык / текст / говорящего человека’ и ‘подразумевать, иметь в виду’ выражались преимущественно глаголом *разуметь*, а глагол *понимать* широко употреблялся в значении ‘осознавать положение дел’, причем часто со сложными, трудно постигаемыми объектами (ср. русск. *постичь, сделать вывод*). В сочетании *понимать язык* глагол *понимать* активно входит в употребление лишь во второй половине XIX в.

Как сформировалась семантика понимания в славянских гнездах со значением хватания – в силу контактных или внутриязыковых причин, с достоверностью установить весьма сложно. Глаголы **xapati/xvatati* вполне могли развить новое значение самостоятельно, но немецкое окружение (*begreifen, fassen*), безусловно, его поддерживало и стимулировало. В гнезде **ję-/jьm-*, скорее, можно предположить, что новая семантика появилась как сознательная инновация, книжным путем, что и воспрепятствовало широкому распространению новых лексем (исключение, правда, составляет русский язык).

В русских текстах глагол *поняти/пояти* ‘понять’ начинает последовательно употребляться в начале XVIII в., причем впервые он встречается в переводных сочинениях. В слове *пояти* ‘понять’ можно предположить кальку с латинских или немецких слов, а возможно, и других источников, или заимствование из польского, причем польские лексемы *pojąć*

‘понять’ и *pojęcie* ‘понятие’ в свою очередь могли испытать влияние латыни или немецкого.

Проведенное в **главе I** исследование позволило сделать **вывод**, что в семантическом развитии праславянских лексем сербскохорватский язык переживает инновационные процессы, общие для разных славянских языков центрального ареала, но часто демонстрирует сходство с юго-западнославянским ареалом, то есть с чешским и словацким языками. Отдельные общие процессы сербскохорватский язык переживает со словенским и болгарским языком, но общих специфически южнославянских семантических процессов в исследованном материале обнаружено не было.

В **главе II «Сербскохорватская лексика в этнолингвистическом освещении»** исследуются лингвоспецифические концепты и значения, сформировавшиеся на почве сербского языка и других балканославянских языков. В главе дается описание нескольких семантических областей, важных для сербской традиционной духовной культуры: «честь и совесть», «мужество», «судьба», «страстное желание», «упрямство». То, что языковая субстанция рассматривается в корреляции с традиционной духовной культурой, определяет основной метод, используемый в данной главе как этнолингвистический.

В **разделе II.1 «Синонимы в этической лексике»** описываются лексемы, обозначающие понятия сербской секулярной этики – честь (§ 1.1), мужество и героизм (§ 2.1).

Значение чести в сербском языке выражают слова *част* (**čьstь*), *образ* (исходно ‘лицо’) и *поштење* (от глагола *поштити* ‘почитать’), значение же совести обычно выражается заимствованным из церковнославянского языка словом *савест*, но отчасти его выражает и лексема *образ*. Два слова, *образ* и *поштење*, являются исконными для сербской народной этики, их употребление в крестьянском языке зафиксировано в начале XIX в. Слова же *част* и *савест* как обозначения нравственных понятий возникли на почве литературного языка, в середине и второй половине XIX в., под влиянием иноязычных образцов.

В традиционной сербской этической системе, отраженной в некоторых современных диалектах, центральным нравственным понятием было понятие

чести, выраженное словом *образ*, исходно ‘лицо’. Как и понятие чести, выраженное другими лексемами, *образ* имеет внутреннюю и внешнюю стороны: он совмещает в себе внутреннее нравственное чувство, которым человек руководствуется в своих поступках, и внешнюю репутацию. «Внутреннее» значение реализуется реже, обычно в высказываниях типа «у него есть *образ*/нет *образа*» и «если бы у него был *образ*» (*Он да има образ не би смео да ми погледа у очи* «Если бы у него была совесть, он бы не смел мне посмотреть в глаза»). Значение нравственной репутации реализуется обычно в контекстах типа «лишить чести», «защитить честь» и «иметь черную/белую честь»: *ударија ми на образ* букв. «он ударил по моей репутации» («затронул мою честь»). «Образ» входит в число важнейших ценностей сербской и черногорской народной культуры: ср. пословицу *све за образ а образ ни за што* «Все отдам за честь, а честь ни за что», однако в современной культуре понятие *образа* утратило свою актуальность, сейчас это слово употребляется только в составе фразеологизмов и в пословицах, а также в эмоционально окрашенных текстах.

На смену слову *образ* в литературном языке XIX в. пришло слово *част* ‘честь’ (исконно в народном языке – ‘почесть, почет, уважение’) и заняло главное место в лексике социальной этики, ср. *моје ми части* «клянусь честью» (С.Матавуль), *очувати своју част* «беречь свою честь» (Л.Лазаревич). Расширению значения сербского слова *част*, по всей видимости, способствовали иноязычные образцы, одним из которых был русский (в русифицированном литературном языке XVIII – начала XIX века у сербов широко использовался русизм *чест(ь)* в том числе в значении ‘личного достоинства’). В современном разговорном языке обычно встречается значение чести как «признания» – *част ми је* ‘для меня большая честь’, *имам част да представим* ‘я имею честь представить’, что свидетельствует о том, что до сих пор в народном языке живет именно исконное значение слова *част*, а инновационное значение «совокупность норм поведения» сейчас фактически является архаизмом.

Лексема *поштење* ‘честь, честность, порядочность’, в отличие от *образ* и *част*, обозначает также такие душевные свойства человека, как порядочность, честность (*Његово поштење није од јуче* «Его всегда отличала порядочность»).

В современном языке это значение является основным, тогда как значение репутации отошло на второй план. Слово *savest* в диалектном языке начала XIX в. представлено не было, а получило широкое распространение, благодаря переводу Нового завета Вуком Караджичем.

Далее в работе рассматриваются лексемы *чојство* и *јунаштво*, обозначающие понятия достоинства, мужества, героизма и связанные устойчивыми синтагматическими отношениями (*у стиду гине чојство и јунаштво* «Позор губит достоинство и мужество»). Лексема *чојство* (*човештво*), мотивированная словом *човек* ‘человек’, в диалектных словарях определяется как совокупность нравственных принципов, честь, благородство. Слово *јунаштво* ‘смелость, храбрость’ (от *јунак* ‘герой’) обычно употребляется как название легендарной национальной черты сербов и черногорцев, ср. *заклињати се у српско јунаштво* «клясться сербским мужеством».

Скорее всего, концепт *чојство* и *јунаштво* имеет сравнительно позднее происхождение, в старейших сборниках песенного фольклора соответствующая формула отсутствует. В текстах XIX в. она засвидетельствована очень мало, причем только на территории Черногории. По всей видимости, своим последующим широким распространением представление о «человечности» и «мужестве» как основе традиционной черногорской этики обязано черногорскому писателю М. Милянву, поэтизовавшему концепты *чојство* и *јунаштво* в сборнике рассказов «Примјери чојства и јунаштва» (1900 г.). Основное их содержание, по Милянву, заключается в самопожертвовании и великодушии. В современной Черногории формула *чојство* и *јунаштво* необычайно популярна. Ее тиражируют исследования по черногорской этнопсихологии; ее используют политические деятели в патриотических заявлениях. Однако с точки зрения современных черногорцев и сербов *чојство* и *јунаштво* – принципы черногорской этики прошлого, поэтому в неофициальном дискурсе чаще можно встретить высказывания об утрате черногорской культурой этой составляющей.

Раздел II.2 «Турцизмы как источник синонимии в сербском языке» посвящен реконструкции культурных концептов, в формировании которых большую роль сыграл турецкий язык.

В § II.2.1 «Лексико-семантическое поле судьбы» описывается семантика исконной и заимствованной южнославянской лексики с соответствующим значением. Исконная лексика представлена продолжениями праславянских слов и корней: **(vь)strětja* ‘встреча’ (серб. *срећа*), **čestь* ‘часть, доля’ (в серб. языке только в составе прилагательного *чест-им*), **sod-* ‘судить’ (серб. *судба, судбина*), **rěk-* ‘говорить’ (серб. *нарок*). Семантическое поле наиболее распространенного среди данных наименований слова *срећа* включает следующие значения: 1) ‘судьба, доля, то, что человеку суждено’, как правило, это значение уточняется определениями с семантикой ‘хороший’ – ‘плохой’: с.-х. *добра, срећна, зла, (х)уда, тешка, зла срећа* «хорошая, счастливая, плохая, тяжелая, злая доля»; 2) ‘сила, управляющая человеческой жизнью (внешняя или присущая человеку)’: *нанела га срећа* ‘принесло его’; 3) ‘счастье (благополучие)’: *имаиш срећу* ‘тебе повезло’. Другие названные лексемы реализуют отдельные фрагменты этого в целом синкретичного семантического спектра.

Наряду с автохтонными славянскими наименованиями судьбы, в балканославянских диалектах (с разной степенью географической распространенности и употребительности) для обозначения судьбы и счастья используется ряд турцизмов. Ср. с.-х. *кисмет* ‘доля, судьба, счастье’; *аир* ‘добро, счастье, благополучие’; *бат* ‘счастье, благополучие, судьба’; *нафака* ‘доля, судьба’, ‘счастье, благополучие’; *талих* ‘счастливая доля, удача’, ‘судьба’; *игбал* ‘счастье, удача’, *берићет*, ‘урожай, счастье, благополучие’.

Насколько можно судить по типовым контекстам их функционирования, данные лексемы реализуют значения того же семантического спектра, что и исконные славянские слова, и имеют сходную дистрибуцию. При этом каждая из заимствованных лексем выражает лишь часть значений, свойственных славянским словам, и не может заменить славянские обозначения во всех типах контекстов. Этот спектр, моделью которого можно считать южнославянскую семантическую амплитуду слова **(vь)strětja*, турецкие заимствования расчленяют на две области. К первой относятся значения, связанные с идеей счастья-судьбы, а ко второй – с идеей счастья-успеха. Первую группу значений выражают продолжения турецких слов *kismet, talih, ikbal, baht*, для которых в

языке-доноре основной является семантика судьбы, рока и счастья-успеха. К этой же группе примыкают продолжения лексемы *nafaka*, первичным для которой стало значение материального содержания, положенного человеку, давшее, с одной стороны семантику ‘предопределенное’, а с другой – ‘благосостояние, счастье’. Вторую группу значений выражают продолжения лексем *hayir* и *bereket*, в которых семантика счастья связана с ‘добро, польза’ и ‘благосостояние, изобилие, урожай’.

Практически не знающая исключений заменимость слова *sreћа* на турецкие наименования (в сказках и поговорках) свидетельствует о том, что, вероятнее всего, заимствование шло преимущественно путем наложения новых лексем на исконное семантическое поле и устоявшийся круг контекстов бытования славянских слов. Исключение составляют отдельные периферийные и редкие употребления, в которых заимствованные лексемы сохранили специфические значения языка-донора (например, значения «фатума»).

Наряду с турецкими обозначениями судьбы-счастья в южнославянских говорах распространилось много дериватов этих лексем – названия признаков ‘имеющий/не имеющий счастье, удачу’. Первый признак лексически широко тиражирован: *бахтли* (*батли*), *батан*, *батлијаст*, *аирли*, *навачан*, *талишан*, *икбали*, *игбалан*, *берићетан* ‘счастливый, удачливый’. Значение ‘неудачливый’ лексически выражается не столь разнообразно. Помимо семантики ‘удачливый/неудачливый’ турцизмы, называющие признаки, выражают значение ‘приносящий удачу/неудачу окружающим’. Наиболее часто это значение выражается производными *baht*: серб. *бахтли* (*батли*), *батлија*, макед. *батлија* ‘счастливый, приносящий удачу другим’ и *баксуз* ‘неудачливый’.

Важным с культурной точки зрения турцизмом является слово *инат* ‘поступок из упрямства, совершаемый не из своей выгоды, а только потому, что другому это неприятно’, семантика которого в § II.2.1 сопоставляется с семантикой исконного слова *пркос*. В значении этих лексем соединены отрицательно и положительно оцениваемое сопротивление человека жизненным обстоятельствам, которое считается особенностью сербского национального характера (*чувени српски инат* «знаменитое сербское упрямство»).

В сербской традиционной культуре это свойство однозначно оценивается отрицательно. В пословицах *инат* трактуется чуть ли не как главная антиценность сербского народа: *од ината нема горег заната* «нет худшего занятия, чем упрямство», равно осуждается и *пркос*: *пркос кола ломи* «упрямство телегу ломает». В народном языке XIX в. слово *инат* часто выражало семантику раздора, ссоры, вражды. Как показывают языковые и фольклорные данные, типичными проявлениями *ината* и *пркоса* в народном сознании является нежелание уступить соседу при размежевке и нежелание уступить цену покупателю.

Для современного сербского узуса характерно изменение аксиологической трактовки *ината* и *пркоса*. Наряду с коннотацией раздора, у этих лексем развилась коннотация борьбы, упорства, что сформировало представление о созидательном *инате* и *пркосе*. Новое значение часто актуализируется в героической ситуации справедливой борьбы человека за свои права (ср. *то је здрави инат* «это здоровый инат», *родољубив пркос* «патриотический пркос»). Одновременно с развитием положительной оценки упрямства в сербском языке обозначилось и семантическое различие между словами *инат* и *пркос*. Романтическая трактовка упорства как непокорности, отстаивания своей чести в большей степени характерна для *пркос*, который стал своеобразным символом борьбы сербского народа. На основании текстовых данных можно сделать вывод, что если *инат* а priori считается негативной чертой человеческого поведения, а уже в зависимости от позиции говорящего может наделяться положительным содержанием, то *пркос* не имеет однозначной негативной окраски, более того, у него есть и очевидная положительная коннотация.

Параграф II.2.3 посвящен сербским турцизмам *мерак* ‘желание, наслаждение’ и *ћеф* ‘прихоть, каприз’. В отличие от своих славянских синонимов, в частности сербского *жеља*, они выражают специфическое значение сильного желания, обычно связанного с получением удовольствия.

Основное значение лексемы *мерак* – это непреодолимое влечение к совершению какого-то действия или обладания каким-то предметом. Объект *мерака*, как правило, связан со страстью к чему-либо: это карты, алкоголь, еда и

женщины (*Имам мерак да пијем прије јела ладну пиву* «Мне бы хотелось выпить перед едой холодного пива»). Во втором значении слова *мерак* ‘наслаждение, большая радость, удовольствие, хорошее настроение’ отражена обычная связь обладания желаемым объектом и положительных эмоций (*Мерак ми је тако да га задевам* «Мне нравится над ним подшучивать»). В третьем значении ‘тоска, уныние, отчаяние’ также заложена идея эмоциональных последствий желания, в данном случае невыполненного (*Али ће тада умрети од мерака* «Тогда он умрет от тоски»). Присутствие в человеке развитой желательной силы оценивается традицией положительно, как норма: *Како си тако човек без мерака?* «Как же ты так живешь без желаний?». Желание обладать каким-то объектом или использовать его в своих целях, а также желание заниматься каким-то делом выражается также глаголом *мерачит* ‘желать чего-то’.

В семантике и устойчивой сочетаемости дериватов слова *мерак* и прежде всего в названии деятеля – *мераклија* ‘тот, кто умеет получать удовольствие от жизни’, идея получения удовольствия от общения с женщинами, музыки и напитков проявляется особенно ярко. Со словом *мераклија* связывается образ завсегдатая «кафан» (сербских традиционных кафе, трактиров), гурмана, любителя приятной беседы или кутежей: *за веће мераклије било је и кафана изван чаршије* «для больших кутил были заведения и подальше от центра города».

Значение сильного желания в сербском и других балканославянских языках также выражает турцизм *ћеф* (*дође му ћеф да се жени* «захотелось ему жениться»). В данной лексеме семантика желания может получать форму прихоти: *Имају увек доста новаца за личне ћефове* «У них всегда достаточно денег на свои прихоти». Обозначая прихоть, каприз, *ћеф* по значению приближается к слову *инат* ‘упрямство’: *Шта ти би, Лујо, да гласаш комунисте? [...] Од ћефи, рече Лука* «Почему ты, Луйо, голосовал за коммунистов? [...] Захотелось, – ответил Лука». Во втором значении лексемы *ћеф* и ее дериватов заключена идея получения удовольствия, как и в слове *мерак*: *не могу гледати да Турци с главом његовом себе ћеф чине* «Не могу смотреть, как турки с его головой развлекаются». Удовольствие, называемое

словом *heф*, часто связывается со спиртным: *heфити се* 'развлекаться, веселиться', *heфлија* 'в хорошем настроении, подвыпивший'.

Анализ, проведенный в главе II, дал возможность сделать следующие **выводы**. Рассмотренные в данной главе поведенческие сценарии имеют мифологическую («доля») и секулярную («честь», «достоинство», «своеволие») составляющую. В секулярной этике выделяются два полюса: следование внутреннему нравственному закону и исполнение своих желаний, которые, однако, не вступают в противоречие, что доказывает возможность высокой положительной оценки второго мотива. На формирование сербских этических концептов оказала влияние элитарная культура и иноязычные, в частности русский и церковнославянский, образцы, которые привели к трансформации этических понятий.

Значительную роль в формировании представлений о регулятивах поведения человека сыграла лексика турецкого происхождения. Турцизмы с абстрактным значением, конкурируя на почве сербскохорватского языка с исконными словами, не вступают с ними в отношения полной семантической нейтрализации. Заимствования функционируют в более узком значении, чем то, которое свойственно словам славянского происхождения, или отличаются семантической спецификой, а также экспрессивностью.

Глава III «Сербскохорватская лексика в ареалогическом освещении. Междialeктные синонимы в сербскохорватских говорах» посвящена лингвогеографическому изучению сербскохорватской лексики. В ней содержится исследование ареалогических характеристик сербскохорватских лексем на материале карт «Общеславянского лингвистического атласа» (ОЛА), сербскохорватской диалектной лексикографии и полевых исследований.

§ III.1 содержит общий обзор ареальных связей и ареального членения сербскохорватских говоров и общих и дифференциальных лексических признаков сербскохорватского диалектного пространства на базе материалов лексико-словообразовательных выпусков ОЛА.

Большинство общих сербскохорватских слов отсутствуют на западной или восточной периферии сербскохорватской территории или несколько выходят за пределы хорватских и сербских говоров. Как единое целое

сербскохорватская территория может входить в состав и западного, и восточного южнославянского ареала. По лексическим признакам на данной территории выделяются три основных ареала.

Наибольшее скопление лексических изоглосс в сербскохорватском ареале наблюдается южнее словенско-хорватской границы. Кайкавские и северные чакавские говоры по сравнению с основным массивом хорватских и сербских говоров выделяют следующие лексемы: *veselje* ‘радость’ (ср. *радост*), *kita* ‘коса’ (ср. *плетеница*), *slina* ‘слюна’ (ср. *пљувачка*), *zelje* ‘капуста’ (ср. *кунус*), *cvirki*, *ocvirki* ‘пережаренные кусочки сала’ (ср. *чварци*), *ima rad(a)*, *ima rat* ‘любит’ (ср. *воли*) и др.

Второй ареал в составе сербскохорватского массива образуют приморские хорватские (истрийские, далматинские) говоры, нередко объединяющиеся с приморскими черногорскими. Для этого ареала характерны многочисленные романизмы, отсутствующие в других хорватских и сербских говорах: далмат., истр. *kantur*, *katur*, *kantadur* ‘певец’, *dota* ‘приданое’, *balun* ‘мяч’, далмат. *kapsa*, истр. *kasa*, *kaca* ‘гроб’, далмат. *gustijerna*, *gušterna*, черног. *бистерна* ‘колодец’ и др. Говоры северо-запада Хорватии и приморской зоны, то есть западная и юго-западная периферия сербскохорватского ареала, обнаруживают значительное лексическое сходство, ср. *drob*, *drobec* ‘живот, брюхо животного’ (шток. *трбух*), *blagdan* ‘праздник’ (шток. *празник*), *hiti*, *hita* ‘бросит’ (шток. *баца*).

Третий ареал образуют штокавские говоры. Как преимущественно штокавские лексемы можно выделить следующие: *зглоб* ‘сустав’, *кажипрст* ‘указательный палец’, *воћњак* ‘сад’, *црни лук* ‘лук’, *бели лук* ‘чеснок’, *љуби* ‘целует’, *удаје се* ‘выходит замуж’, *пацов* ‘крыса’, *сече (хлеб)* ‘режет (хлеб)’, *свеска* ‘тетрадь’, *свадба* ‘свадьба’ и др. Важная характеристика штокавских говоров – их центральное положение в сербскохорватском и южнославянском ареалах и, следовательно, противопоставленность западной и восточной периферии. Однако и в штокавском ареале выделяется несколько периферийных зон, отличающихся от общего массива архаизмами и собственными инновациями. Это прежде всего Черногория и восточная Сербия.

В параграфе **III.2.** выявляются ареалогические признаки лексического фонда, представленного в словаре Вука Караджича 1818 г., на основании его сопоставления с лексическими данными, содержащимися в опубликованных выпусках ОЛА.

Отраженная в словаре лексическая система тршицкого говора в качестве дублетов или синонимов, то есть в одном или близком значении в ряде случаев содержит слова и западного, и восточного сербскохорватского типа. В словаре зафиксированы следующие лексемы, которые в материалах ОЛА обычно ареально противопоставлены как западные и восточные: *приповиједати* и *причати* ‘рассказывать’, *судац* и *судија* ‘судья’, *жеђа* и *жеђ* ‘жажда’, *страшити* и *плашити* ‘пугать’, *гној* и *ђубре* ‘навоз’, *(х)итити* и *бацити* ‘бросить’, *веселити се* и *радовати се* ‘радоваться’. Кроме существования дублетов, свидетельствующих об интерференции западной и восточной лексики в говоре Тршича (носителем которого был В.Караджич), для обозначений некоторых понятий в словаре представлены только слова западного типа, распространенные в Черногории, Герцеговине, Далмации, Хорватии и Словении (*заручник* ‘жених’, *стегно*, *бедро* ‘бедро’, *пазуо* ‘подмышка’). Ряд лексических признаков, согласно ОЛА, связывает тршицкую лексику с центральным штокавским ареалом (*образ* ‘щека’ *ма(х)уна* ‘стручок’; *(х)ельда* ‘гречиха’; *качар* ‘бондарь’).

В то же время в словаре присутствуют дублеты, свидетельствующие об интерференции центральной и периферийной (обычно черногорской или, шире, приморской) лексики: *чварци* и *жмире* ‘пережаренные кусочки сала’; *сахранити* и *укопати* ‘похоронить’; *вилица* и *челџуст* ‘челюсть’.

В параграфе **III.3.** «Праславянские лексические изоглоссы в сербскохорватском ареале» рассматривается география и семантические свойства синонимических пар, сформировавшихся в праславянском языке и в настоящее время ареально противопоставленных на сербскохорватской территории (материалом послужили лексемы, содержащиеся в вопроснике неизданного Сербскохорватского диалектного атласа). В результате анализа были выделены следующие типы ареального противопоставления:

1. Кайкавские/чакавские и часть зетско-сеницких говоров («латеральный пояс»)/основной массив штокавских говоров (**mel'a* – **melivo* – **mylivo* – **moka* – **boršno* ‘мука’).

2. Кайкавские говоры / основной массив сербскохорватских говоров (**tъjъdъnъ* – **neděl'a* ‘неделя’, **zъmъja* – **guja*/**zъmъja* ‘змея’).

3. Кайкавские и северночакавские говоры/штокавские и центрально- и южночакавские (**xуžа* – **kотja* ‘дом’, **prositi* – **modliti* ‘просить’, **tъrsъ* – **loza* ‘виноград’).

4. Латеральный пояс (чакавские говоры или чакавские и зетско-сеницкие говоры)/основной массив сербскохорватских говоров (**dъbъ* – **xvorstъ* ‘дуб’, **želъdъ* – **žirъ* ‘желудь’, **luna* – **měsєcъ* ‘луна’).

5. Латеральный пояс и кайкавские говоры / основной массив штокавских говоров (**котъcъ* – **staja* ‘хлев’, **kokотъ* – **pěтъlъ* ‘петух’).

6. Кайкавские и чакавские говоры / основной массив штокавских говоров (**kolěbъka* – **zybъka* ‘колыбель’, **nosъnica* – **nozdrі* ‘ноздря’).

7. Западные / восточные говоры сербскохорватского континуума (**xytiti* – **bacati* ‘бросить’, **gazъ* – **brodъ* ‘брод’, **obtokъ* – **obstrovo* ‘остров’, **volsi* – **kosa* ‘волосы’, **lěto* – **godina* ‘год’, **lonъcъ* – **gъrnъcъ* ‘горшок’, **kruhъ* – **xlěbъ* ‘хлеб’).

8. Говоры Сербии / основной массив сербскохорватских говоров (**pотъ* – **cěsta*/**pотъ* ‘дорога’).

Многие синонимические пары праславянского происхождения не образуют четко противопоставленных ареалов, в ряде случаев сосуществуют в одном говоре или распределяются диффузно (**mati* – **majъka* ‘мать’, **molditъjъ* – **motъkъ* ‘молодой мужчина, юноша’, **pъrsъ* – **grъdъ* – **nědro* ‘грудь’, **čěrvо* – **drobъ* ‘живот человека’, **rězati* – **križati* ‘резать’, **pъrčъ* – **jarъcъ* ‘(некастрированный) козел’, **pastухъ* – **žerbъcъ* ‘жеребец’). Большее число непротивопоставленных синонимических пар относится к полю природы (**bъrdo* – **bergъ* ‘гора’, **šuma* – **gora* ‘лес’, **loky* – **bara* ‘лужа’, **pol'e* – **niva* ‘поле’).

Последующие параграфы диссертации посвящены описанию особенностей отдельных сербскохорватских говоров на основании лексических

данных, записанных от диалектоносителей по вопроснику Сербскохорватского диалектного атласа.

При описании полевого материала использована следующая методика. Для выявления лексической специфики сербскохорватского говора лексика, представленная в анкете из того или иного села, сопоставлена с лексикой сербского или хорватского литературного языка, засвидетельствованной в толковых словарях. Такое сравнение применено для того, чтобы при описании анкет из разных пунктов, можно было располагать показателем *tertium comparationis* и тем самым удобнее сопоставлять лексические типы разных говоров. Слова, не обнаруженные в словарях литературного языка, проверялись по диалектным словарям с целью выявления в говоре локальных слов и слов более широкого диалектного распространения. На следующем этапе анализа было описано лексическое варьирование внутри одного диалекта и выделены его общие характерные признаки. С этой целью произведено сравнение анкет говоров различных сел, относящихся к одному диалекту. На заключительном этапе анализа лексика рассматриваемого диалектного типа сопоставлена с лексикой говора или говоров, относящихся к иным диалектным типам, и выделены изоглоссы, их противопоставляющие.

Параграф **III.4** посвящен анализу западнобоснийской лексики, относящейся к диалекту области Маняча в окрестностях г. Баня-Лука. Среди записанных слов содержится 20 % лексики, отличной от литературного языка, причем всего 4% приходится на значения, для выражения которых используются только диалектные слова. Остальные 16% составляют диалектизмы, которые сосуществуют в говоре со словами, употребляющимися и в литературном языке. Для говора очень характерна дублетность как в форме «местное слово/слово общее с литературным языком», так и в форме сосуществования различных общих с литературным языком слов для выражения одного значения. Говору свойственны следующие архаизмы, утраченные рядом более восточных сербских областей: *жељезо* ‘железо’, *здјела* ‘миска, глубокая тарелка’, *жлица* ‘ложка’, *мрква* ‘морковь’, *гра* ‘фасоль’, *лаче* ‘штаны’, *плата* ‘простынь’. Также в говоре выявлены слова, распространенные преимущественно на западе сербскохорватского ареала: *тур* ‘свадьба’,

заручница ‘невеста’, *зоб* ‘овес’, *кажипут* ‘указательный палец’, *кру* ‘хлеб’, *пла(х)та* ‘простынь’, *тржница* ‘рынок’ и др.

В параграфе **III.5** «Лексика восточногерцеговинского и шумадийско-воеводинского диалектов в сопоставительном аспекте» исследуется проблема лексического варьирования в пределах современных новоштокавских сербских говоров на примере говоров сел, относящихся к восточногерцеговинскому (области Маняча и Ливаньско-Поле) и шумадийско-воеводинскому диалектам (говоров Раджевины и Подгорины).

В лексике Раджевины и Подгорины отмечается бóльшая близость к словарному фонду литературного языка, чем в говорах западной Боснии, что является предсказуемым в силу периферийного характера западнобоснийских говоров. В анкете из Раджевины зафиксировано всего 6% лексики, не представленной в словаре сербского литературного языка (данные по Боснии см. выше). Из 370 вопросов в Ливаньско-Поле записано 100 лексем (27%), не зафиксированных в говоре Раджевины, из них половина приходится на дублетные пары, то есть на долю значений, которые выражаются в этих говорах с помощью различных лексем, приходится 13,5 %. Большая часть дифференциальной лексики относится к области домашнего быта и хозяйства.

Большая часть лексических дифференциальных пар говоров Ливаньско-Поле и Раджевины, по всей видимости, лингвогеографически не противопоставляют восточногерцеговинский говор в Ливаньско-Поле шумадийско-воеводинскому говору Раджевины, являясь следствием предпочтения в говоре той или иной лексемы или следствием случайного семантического сдвига.

Ареальное противопоставление рассмотренных говоров как западного и восточного демонстрируют такие лексические пары, как *крув* – *хлеб* ‘хлеб’, *тара* – *разбој* ‘ткацкий станок’, *мрква* – *шангарепа* ‘морковь’, *међедица* (медведица) – *мечка* ‘медведица’. Второй тип ареального противопоставления западнобоснийских говоров и говоров Раджевины и Подгорины связан с разрушением некогда единого ареала под влиянием заимствования. Этот тип демонстрируют изоглоссы *димљак* – *ојак* ‘дымоход’, *гра* – *пасуљ* ‘фасоль’,

цеста – *пут* ‘дорога’. Лексемы *димљак*, *гра*, *цеста*, помимо Боснии, встречаются и на восточной периферии сербского ареала (например, в Косово).

§ III.6 посвящен описанию лексики говора воеводинского с. Господжинци (южная Бачка). Лексика с. Господжинци чрезвычайно близка к литературному языку. Лишь 5% от общего числа вошедших в анкету лексем не представлены в словаре сербского литературного языка. Почти половину не отмеченных в словаре лексем составляют заимствования. Проверка диалектизмов, отличающих говор Господжинци от литературного языка, по сербским диалектным словарям показала, что большинство этих слов употребляется в говорах центральной Сербии. На долю противопоставленных дифференциальных лексем говора с. Господжинци и говоров северо-западной Сербии приходится 10%. Так же, как и при сопоставлении западнобоснийской лексики и лексики северо-западной Сербии, в данном случае можно констатировать, что лексическая вариативность между говором Господжинци и говорами Раджевины и Подгорины в ряде случаев является отражением дублетности, характерной для общесербского языка (как диалектного, так и литературного) и, как правило, не имеющей четких ареальных характеристик (*диванити* – *приповедати* ‘разговаривать’, *бринути се* – *секирати се* ‘беспокоиться’, *мати* – *мајка* ‘мать’, *муж* – *човек* ‘муж’, *пенџе* – *ћон* ‘подошва’ и др.). В результате проверки выявленной дифференциальной лексики по диалектным словарям были выделены слова, противопоставляющие говоры Бачки говорам северо-запада Сербии: *вереница* – *заручница* ‘невеста’, *одело* – *рубине* ‘одежда’, *колевка* – *бешика* ‘колыбель’, *грушавина* – *јемужно млеко* ‘парное молоко’, *живина* – *перуштина* ‘домашняя птица’, *нето* – *певац* ‘петух’, *змија* – *гуја* ‘змея’, *пужа* – *спуж* ‘улитка’, *Дови* – *Тројице* ‘праздник св. Троицы’.

По разным лексическим признакам территория Воеводины может отходить или к восточному (*вереница* ‘невеста’, *већа* ‘бровь’), или к западному сербскохорватскому ареалу (*прстењак* ‘безымянный палец’, *старац* ‘тесть’, *ишиимиш* ‘летучая мышь’).

В § III.7 описано лексическое своеобразие призренско-тимокских говоров. Сопоставление материала анкет со словарем сербского литературного

языка показало, что анкета косовско-метохийского говора содержит 10% слов, отсутствующих в словаре, запланьского – 12%, а лужницкого говора – 17%. Это свидетельствует о его большей периферийности и изолированности от массива сербских говоров.

Анализ лексики анкет, отсутствующей в словаре сербского литературного языка, указывает на сохранность архаизмов в данной диалектной зоне (*ложница* ‘ложка’, *слубе/ слба (сльба)/ слабе* ‘приставная лестница’, *работи/ работа* ‘работать’, *баз/ бьз/ боз* ‘бузина’, *дома/ дом* ‘дома/домой’, *целива* ‘целовать’, *огањ* ‘огонь’, *ножице* ‘ножницы’). Они являются континуантами праславянских лексем (**lъžica*, **bъzъ*, **stlбъ*, **orbotati*, **doma*, **cělovati*, **nožica*), тогда как их инодиалектные синонимы представляют собой заимствования (*кашика*, *мердевине / басамак*/ *лотре*, *маказе*) или новообразования (*радити*, *зова*, *код куће/кући*, *љубити*).

Материал позволяет выделить ряд изоглосс, объединяющих: 1) лужницкий и запланьский говор и противопоставляющих его косовскому (лужн., заплан. *сметана* ‘сливки’ – кос. *кајмак*, лужн., заплан. *причамо*, *вревимо*, *оратимо* ‘говорить’ – кос. *зборимо*, лужн., заплан. *Велигден* ‘Пасха’ – кос. *Ускрс* и др.); 2) косовский и запланьский говор и противопоставляющих его лужницкому (косов., заплан. *купус* – лужн. *зеље* ‘капуста’, косов., заплан. *ручак* – лужн. *обед* ‘обед’, косов., заплан. *кецеља* – лужн. *опрегљача* ‘фартук’, косов., заплан. *виљушка* – лужн. *вилица* ‘вилка’ и др.); 3) лужницкий и косовский говор и противопоставляющих его запланьскому (лужн., кос. *разбој* – *ткачница* ‘ткацкий станок’, лужн., кос. *копче*, *скопче* – *запекљајка* ‘застежка’, лужн., кос. *желудац* – *мешина* ‘желудок’ и др.).

Среди специфической косовской лексики обнаруживаются: 1) архаизмы, отсутствующие в общесербском языке: *дуб* ‘дуб’, *тило* ‘затылок’, *грс* ‘горсть’, *вето* ‘старое’, *мозуљ* ‘мозоль’, 2) турцизмы: *иши* ‘бутылка’, *тенџера* ‘кастрюля’, 3) грецизмы: *троњ*, *троњевина* ‘постель’, 4) албанизмы: *коломбоћ* ‘кукуруза’, *теше* ‘одежда’, 5) слова, общие с македонским языком: *врне* ‘идет дождь’.

Целый ряд специфических лексем содержится в лужницкой анкете. Некоторые из них характерны для восточной Сербии или для призренско-тимокской зоны в целом: *рњка / рњћа* ‘губа’, *облекло* ‘одежда’, *кутре* ‘щенок’, *кљундрво* ‘дятел’, *лочка* ‘лужа’. Среди лужницкой лексики присутствуют и локальные инновации: *крињак* ‘позвоночник’, *тутулица* ‘брусница’, *учука се*

‘кастрировать’, и архаизмы: *дроб* ‘печень’, *кочина* ‘свинарник’, *сопуљав* ‘сопливый’, *саце* ‘сажа’. Лексика анкеты из Запланя также включает некоторые инновации: *подручак* ‘завтрак’, *лелејка* ‘колыбель’, *мешина* ‘желудок’.

Параграф **III.8** посвящен лексическим особенностям славонских говоров. Анализ анкеты из с. Сиче показал, что 25 % лексем из списка отсутствуют в лексиконе хорватского литературного языка. Среди сичанской лексики, отсутствующей в словаре хорватского литературного языка или помеченной в нем в качестве региональной, локальной или употребляющейся под влиянием сербского языка, преобладают заимствования (турцизмы *kičma* ‘позвоночник’, *čičo* ‘дядя по отцу’, *babo* ‘отец’, *đerz* ‘жених, парень’, *marama* ‘платок’, *avlija* ‘двор’, *ćošak* ‘угол (дома)’, ‘угол в комнате’, *badža* ‘дымоход’ и др., германизмы: *grinzajg* ‘зелень’, *drukerić* ‘застежка’, *fertun* ‘фартук’, *froštuk* ‘завтрак’, *paradajz* ‘помидор’ и др.).

По территории славонских говоров проходят изоглоссы, объединяющие их как с кайкавскими, так и с прочими штокавскими говорами. С кайкавскими говорами, помимо общесербскохорватских слов, славонскую лексику объединяют некоторые архаизмы (*vlasi* ‘волосы’, *zipka* ‘колыбель’, *prositi* ‘просить’, *ljetо* ‘год’, *željezo* ‘железо’), инновации (*svatovi* ‘свадьба’), заимствования (*širajz(lin)* ‘инструмент для перемешивания топлива в печи’). Со штокавскими говорами, в том числе с восточными, славонские говоры объединяются такими словами, как *točak* ‘колесо’, *pacov* ‘крыса’, *gvožđe* ‘железо’, *pečurka* ‘гриб’.

В параграфе **III.9** сопоставляется лексика двух описанных выше говоров сербскохорватского языка: хорватского говора с. Сиче в Славонии и сербского говора с. Господжинци в Воеводине, относящихся соответственно к староштокавскому и новоштокавскому типу.

Первая группа лексических противопоставлений двух говоров связана с использованием в них продолжений различных праславянских лексем. Подобные различия могут служить отражением как древней междиалектной, так и внутридиалектной синонимии в сербскохорватском ареале. Некоторые из них (*kriv* – *лебац* ‘хлеб’, *cesta* – *пут* ‘дорога’, *otok* – *острво* ‘остров’, *puhati* – *дувати* ‘дуть’, *zipka* – *колевка* ‘колыбель’, *krt* – *кртина* ‘крот’) достаточно четко

противопоставляют западные и восточные сербскохорватские говоры, но «западные» лексемы иногда используются и в периферийных сербских говорах, в частности в Косово, что исключает их из списка потенциальных западно- и восточноштокавских изоглосс. Из приведенного списка слов на такой статус претендуют только слова *zipka* и *otok*, не обнаруженные нами восточнее реки Дрины.

К группе древних синонимов относится и еще несколько лексических пар, противопоставляющих две анкеты. Это пары *ruo* – *одело* ‘одежда’, *korito* – *наћве* ‘посуда для замешивания теста’, *ždrebac* – *настув* ‘некастрированный самец лошади’, *podojit* – *помусту* ‘подоить (корову)’, *šišati* – *стрићи* ‘стричь’.

В ряде случаев архаизмам в одной анкете соответствуют новообразования в другой. Среди инноваций, представленных в воеводинских говорах, есть лексемы, встречающиеся по всей территории Сербии, в том числе на ее востоке: ср. *мечка* ‘медведица’, *расећи* ‘разрезать’, *вереница* ‘невеста’, *разбој* ‘ткацкий станок’. Новообразования используются и в славонском говоре: *natkrovak* ‘стреха’, *plićak* ‘брод’, *zubača* ‘борона’, *punica* ‘теща’, *kobac* ‘ястреб’, *nosavice* ‘ноздри’. Бóльшая часть лексических противопоставлений между двумя анкетами связана с усвоением говорами заимствованной лексики. В воеводинской анкете по сравнению со славонской значительно преобладают заимствования, прежде всего турецкие, тогда как славонская анкета демонстрирует лучшую сохранность славянской лексики. Наиболее часто встречается следующее соотношение: в Славонии распространено праславянское или сербскохорватское слово, а в Воеводине используется турцизм: *jetra* – *џигерица* ‘печень человека’, *bedro* – *бутина* ‘верхняя часть ноги’, *ponjava* – *чаршав* ‘простыня’, *mrkva* – *шаргарена* ‘морковь’, *prsten* – *бурма* ‘обручальное кольцо’ и др. Анкеты демонстрируют и случаи обратного противопоставления, когда в Славонии фиксируется турцизм или германизм, а в Воеводине – славизм (*marva* – *стока* ‘скот’, *kajmak* – *сливки*, *đerz* – *момак* ‘парень’, *divar* – *зид* ‘стена’, *kaiš* – *појас* ‘пояс, ремень’, *grincajg* – *зелен* ‘зелень’, *parisal* – *нацртати* ‘нарисовать’, *paše* – *ваља* ‘годится’).

В **выводах** к главе III отмечается, что по лексическим признакам сербскохорватский диалектный континуум делится на следующие основные

ареалы: 1) западный и восточный, граница между которыми может проходить приблизительно по боснийско-хорватской границе, по территории Боснии, по боснийско-сербской границе или несколько восточнее; 2) на центральный и периферийный (периферийностью характеризуются кайкавские, чакавские, зетско-сеницкие и призренско-тимокские говоры). Такое членение демонстрирует лексика как праславянского происхождения, так и более позднего периода.

Анализ географии континуантов праславянских лексем показывает, что эти два типа членения тесно взаимосвязаны. Центральная область может занимать бóльшую часть сербскохорватского ареала (**boršъno* – **mel'a* – **moka* ‘мука’, **dqbъ* – **xvorstъ* ‘дуб’, **žirъ* – **želqdbъ* ‘желудь’), но в ряде случаев в качестве центральных можно рассматривать говоры центральной и западной Сербии, а в качестве периферийных, сохраняющих архаику, – говоры западной части сербскохорватского ареала, Черногории и (юго-)восточной Сербии (**cěsta* – **pqtъ* ‘дорога’, **puhati* – **duhati* ‘дуть’). Таким образом, ареальные противопоставления запада и востока и центра и периферии могут накладываться друг на друга. Западный и периферийный ареалы характеризуются большей сохранностью архаической (праславянской) лексики, чем центральный и восточный, которым обычно свойственны лексические инновации.

В Заключение подводятся итоги исследования.

1. Сопоставление семантических структур гнезд **kriv-*, **kos-*, *lqk-*, **pak-* / **opak-*, **grěx-*, **prav-* и **pal-*, **žeg-*, **žar-*, **pek-* (и др.) показало, что существенной особенностью этих корневых групп является регулярный параллелизм их семантических спектров, то есть развитие ими в сфере вторичной номинации однородных значений. Семантические структуры, подобные исследованным, можно трактовать как модель праславянского лексико-семантического поля, представляющего собой систему знаков с определенным значением и семантико-мотивационным потенциалом, который обеспечивает возможность их вторичного использования по одному и тому же принципу.

2. Ряд рассмотренных синонимических пар отражает оппозицию активного и пассивного действия. Она прослеживается в противопоставлении 1) **uživati* и **koristiti*, из которых первый выражает идею пассивного пользования, а второй – активного, 2) перцептивной оценки **lěpъ*, описывающей впечатление человека от предмета, и логической **dobrъ*, выносимой на основании умозаключения, 3) **orzuměti* – **xapati*/**xvatati*/**jěti*, обозначающих пассивное и активное понимание.

3. В области сербской секулярной этики лексическому тиражированию подвергаются понятия собственного достоинства (*част*, *образ* и *чојство*) и своеволия (*инат*, *пркос*, *мерак*, *ћеф*), объединяемые идеей активной жизненной позиции.

4. Большую роль в выражении концепта судьбы и концепта своеволия играют турецкие заимствования, которые одновременно являются важным источником синонимии в сфере сербской абстрактной лексики. Турцизмам, обозначающим абстрактные понятия, свойственно сохранять семантическую индивидуальность по сравнению с исконными славянскими словами, выражающими близкие значения, и нейтрализоваться с ними лишь в части контекстов или вообще не нейтрализоваться. Турцизмы из лексико-семантического поля судьбы, наряду со значениями судьбы-приговора, судьбы-доли, счастья-успеха, могут выражать значение рока, не свойственное славянским словам, и значение удачливого/неудачливого человека (предмета). В поле своеволия турцизм *инат* выражает значение неуступчивости, в современном узусе эволюционировавшее в значение сопротивления и противопоставленное значению непокорности в исконном слове *пркос*. *Мерак* обозначает страстное желание (и этим отличается от слова *жеља*), непреодолимую тягу к чему-то, наслаждение и удовольствие и часто связывается со сценарием *кафанског живота*.

7. Общеславянский лингвистический атлас на данный момент является важнейшим источником сведений по лингвогеографии сербскохорватской лексики. Предпринятый в данной работе анализ – только начало возможного описания.

На основании данных ОЛА в пределах сербскохорватского диалектного континуума в работе выделены следующие ареалы: северо-западный хорватский, приморский, центральноштокавский, западный и восточный, черногорский, восточносербский, которые, в основном, реализуют два глобальных противопоставления: запад/ восток и центр/периферия. Выделенные на лексическом материале ареалы согласуются с принятым в диалектологии делением штокавской территории на основании фонетических и морфологических признаков. Анализ географии сербскохорватских междиалектных синонимов праславянского происхождения показал, что устойчивых и системных лексических различий между ними внутри сербскохорватского континуума в праславянскую эпоху, по всей видимости, не существовало.

8. Проведенный анализ современных диалектных данных позволяет выделить ряд признаков, актуальных для лингвогеографической характеристики соответствующих говоров:

а) для западнобоснийских говоров характерно:

– присутствие лексических архаизмов, вытесненных в более восточных сербских говорах заимствованной лексикой (слова *мрква* ‘морковь’ и *гра* ‘фасоль’ функционируют в говоре опрошенных информантов без дублетов, другие архаизмы имеют дублеты или синонимы: *жельезо* – *звожђе* ‘железо’, *лаче* – *чакишире*, *панталоне* ‘штаны’, *здјела* – *чинија* ‘миска’, *плата* – *чаршав* ‘простыня’, *жлица* – *кашика* ‘ложка’);

– наличие в лексической системе большого числа дублетов (*лубеница* – *бостан* ‘арбуз’, *ручник* – *пешикир* ‘полотенце’, *рубац* – *марама* ‘платок’, *мост* – *ћуприја* ‘мост’, *вал* – *талас* ‘волна’, *ципела* – *кундура* ‘туфля’ и др.);

б) для призренско-тимокских говоров характерно сохранение архаичной лексики, которая в большинстве сербских говоров вытеснена турцизмами (*ложица* ‘ложка’, *слубе/ слба (сльба)/ слабе* ‘приставная лестница’, *работи/ работа* ‘работать’, *баз/ бьз/ боз* ‘бузина’, *дома/ дом* ‘дома/домой’, *целива* ‘целовать’, *огањ* ‘огонь’, *ножице* ‘ножницы’);

в) воеводинская лексика отличается от славонской использованием большого числа турцизмов.

Перспективой настоящего исследования является расширение его эмпирической базы: привлечение к анализу большего числа семантических явлений, связывающих сербскохорватский язык с другими славянскими языками или демонстрирующих его специфику, а также максимально полное выделение и описание лексических изоглосс, релевантных для территории распространения данного языка и реконструкции его древнего диалектного членения. В дальнейшей перспективе представляется важным проведение подобных исследований на материале всех южнославянских языков и прочих славянских, что сделает возможным создание типологии развития славянской лексики.

В **Приложении** приводятся данные экспедиционных анкет из западной Боснии и Славонии.

Основные результаты работы отражены в следующих публикациях:

1. Статьи в рецензируемых научных журналах, индексируемых в базе данных RSCI, а также в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности 10.02.03 – славянские языки.

1. Якушкина Е.И. Сербская диалектная лексикография // Славяноведение. № 3, 2002. С. 23–39.

2. Якушкина Е.И. Лексическая типология глаголов понимания в славянских литературных языках // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка². том 69, № 3, 2010. С. 21–29.

3. Якушкина Е.И. Семантика сербских лексем *чојство* и *јунаштво* // Славяноведение³. №1, 2012. С. 55–61.

4. Якушкина Е.И. Историческая лексикография и лексикология сербского языка (обзор словарей и исследований) // Славяноведение⁴. № 1, 2015. С. 56–64.

² Импакт-фактор РИНЦ 2010 – 0,260 (https://www.elibrary.ru/title_profile.asp?id=7825).

³ Импакт-фактор РИНЦ 2012 – 0,100 (https://www.elibrary.ru/title_profile.asp?id=8221).

⁴ Импакт-фактор РИНЦ 2015 – 0,154 (https://www.elibrary.ru/title_profile.asp?id=8221).

5. Якушкина Е.И. Семантика лексемы **zelbje* в славянских языках // Славяноведение⁵. № 2, 2015. С. 118–123.
6. Якушкина Е.И. Черногорские говоры в «Общеславянском лингвистическом атласе» (лексический аспект) // Славяноведение⁶. № 5, 2018. С. 86–94.
7. Якушкина Е.И. Сербская и хорватская лексика в Общеславянском лингвистическом атласе // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка⁷. том 77, № 1, 2018. С. 5–11.
8. Якушкина Е.И. Лексика первого издания словаря Вука Караджича в сопоставлении с данными «Общеславянского лингвистического атласа» // Славянский альманах. № 3–4, 2019. С. 356–369.
9. М.Менац-Михалич, Якушкина Е.И. Современная хорватская диалектная лексикография // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология⁸. № 6, 2019. С. 164–176⁹.
10. Якушкина Е.И. Семантика сербской лексемы *леп* ‘красивый, хороший’ // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация¹⁰. № 4, 2019. С. 98–108.
11. Якушкина Е.И. К вопросу о лексических различиях староштокавских хорватских и новоштокавских сербских говоров // Научный диалог. № 8, 2020. С. 185–198.
12. Бербич-Колар Э., Якушкина Е.И. Лексика хорватского славонского говора в сопоставительном аспекте // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». № 8/2, 2020. С. 63–70¹¹.
13. Якушкина Е.И. Изоглоссы лексем праславянского происхождения в сербскохорватском ареале // Славяноведение. № 6, 2020. С. 98–110.

⁵ Импакт-фактор РИНЦ 2015 – 0,154 (https://www.elibrary.ru/title_profile.asp?id=8221).

⁶ Импакт-фактор РИНЦ 2018 – 0,157 (https://www.elibrary.ru/title_profile.asp?id=8221).

⁷ Импакт-фактор РИНЦ 2018 – 0,232 (https://www.elibrary.ru/title_profile.asp?id=7825).

⁸ Импакт-фактор РИНЦ 2019 – 0,247 (https://www.elibrary.ru/title_profile.asp?id=8510).

⁹ Общий объем статьи – 0,6 п.л. Личный вклад автора – 0,5 п.л.

¹⁰ Импакт-фактор РИНЦ 2019 – 0,211 (https://www.elibrary.ru/title_profile.asp?id=8477).

¹¹ Общий объем статьи – 0,7 п.л. Личный вклад автора – 0,65 п.л.

14. Якушкина Е.И. Лексическое своеобразие призренско-тимокских говоров сербского языка // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». № 11/2, 2020. С. 90–94.

15. Якушкина Е.И. Лексика восточногерцеговинского и шумадийско-воеводинского диалектов сербского языка в сопоставительном аспекте // Славянский альманах. № 3–4, 2020. С. 197–212.

2. Монографии.

16. Якушкина Е.И. Сербская народная культура в зеркале языка. Белград, Москва, Тюмень, Воронеж, 2018.

3. Публикации в других изданиях.

17. Якушкина Е.И. Оппозиции «прямой – кривой» и «прямой – обратный» и их культурные коннотации // Признаковое пространство культуры. М., 2002. С. 163–183.

18. Якушкина Е.И. Анатомия стыда (этическая семантика соматизмов в славянских языках) // Славянский вестник, вып. 1. М., 2003. С. 96–105.

19. Якушкина Е.И. Аксиологическая трактовка ‘скромного’ и ‘постного’ в свете диалектных данных // Этимологические исследования, вып. 8. Екатеринбург, 2003. С. 222–229.

20. Якушкина Е.И. Влияние турецкого языка на балканославянскую лексику традиционной духовной культуры (на материале этической лексики) // Проблемы изучения межъязыковых влияний в истории славянских языков и диалектов: социокультурный аспект. М., 2004. С. 71–76.

21. Якушкина Е.И. Две парадигмы в изучении южнославянской диалектной лексики // Исследования по славянской диалектологии, вып. 9. М., 2004. С. 124–131.

22. Якушкина Е.И. Семантическое развитие корня **bolg-* в южнославянских говорах // Исследования по славянской диалектологии, вып. 6. М., 2005. С. 180–188.

23. Якушкина Е.И. О некоторых семантических особенностях глагола **pekti* и его синонимов // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. М., 2006. С. 40–49.

24. Якушкина Е.И. Южнославянская этнокультурная лексика турецкого происхождения (на примере семантического поля «судьбы») // Межъязыковое влияние в истории славянских языков и диалектов: социокультурный аспект. М., 2007. С. 445–466.
25. Якушкина Е.И. «Не все приятное полезно?» // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. М., 2008. С. 135–144,
26. Якушкина Е.И. К реконструкции структуры праславянского лексико-семантического поля // Славянское языкознание. XIV Международный съезд славистов. М., 2008. С. 554–575.
27. Якушкина Е.И. Семантика глаголов **žegti* и **paliti* в южнославянских диалектах // Карпатско-балканский диалектный ландшафт. М., 2008. С. 223–231.
28. Якушкина Е.И. Южнославянская лексика судьбы с точки зрения ареалогии // Исследования по славянской диалектологии, вып. 10. М., 2008. С. 168–182.
29. Якушкина Е.И. Лексическое выражение семантики понимания в славянских языках // Славянские языки и культуры в современном мире. Материалы и труды. М., 2009. С. 302–303.
30. Якушкина Е.И. «Человечность» и «мужество» в современной сербской аксиологии // Современная славистика и научное наследие С.Б.Бернштейна. М., 2011. С. 196–197.
31. Якушкина Е.И. Сербское *за инат* и *упркос* ‘наперекор’ // Категория оценки и система ценностей в языке и культуре. М., 2015. С. 403–409.
32. Якушкина Е.И. Честь и совесть в сербской народной культуре // Славянские языки и культуры в современном мире (Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, 23–26 мая 2016 г.). М., 2016. С. 336–338.
33. Якушкина Е.И. Лексические связи сербских и хорватских говоров с восточнославянскими (на материале «Общеславянского лингвистического атласа») // И.И. Срезневский и русское историческое языкознание: опыт и перспективы. К 205-летию со дня рождения И.И. Срезневского: сборник статей Международной научно-практической конференции, 21–23 сентября 2017 г. Москва–Рязань, 2017. С. 120–123.

34. Якушкина Е.И. Работы по языкознанию кафедры сербского языка филологического факультета Белградского университета // *Stephanos*¹². № 6, 2017. С. 330–332.
35. Якушкина Е.И. Честь и совесть в сербской народной культуре // *Язык, Сознание, Коммуникация*. М., 2017. С. 330–337.
36. Якушкина Е.И. Историческая лексикология сербского языка // *Лексикология и лексикография славянских языков*. М., 2018. С. 355–362.
37. Якушкина Е.И. Лексические способы выражения значения ‘праздник’ в сербских и хорватских говорах // *Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова*¹³. Т. 18, М., 2018. С. 226–233.
38. Якушкина Е.И. Проблемы русско-сербской эквивалентности в области абстрактной лексики // *Русско-славянский диалог: язык, литература, культура*. М., 2018. С. 162–166.
39. Якушкина Е.И. Говори Црне Горе у Општесловенском лингвистичком атласу // *Зборник радова са Другог међународног научног скупа одржаног у Подгорици 26–28. маја 2017*. Подгорица, 2019. С. 351–360.
40. Якушкина Е.И. Диалектные материалы из западной Боснии // *Stephanos*¹⁴. №. 6, 2019. С. 44–54.
41. Якушкина Е.И. Праславянские лексические изоглоссы западной части сербскохорватского ареала // *Этнолингвистика. Ономастика. Этимология (материалы научной конференции)*. Екатеринбург, 2019. с. 368–370.
42. Кулешова М.Л., Якушкина Е.И. Семантический переход ‘красивый’ – ‘хороший’ в славянских языках // *Славянский сборник: язык, литература, культура*. М., 2019. С. 81–87¹⁵.
43. Якушкина Е.И. Западнобоснийская диалектная лексика в общесербском контексте (на примере говора Манячи) // *Наш језик*, № 50/2, 2019. с. 607–615.
44. Бербич Колар Э., Якушкина Е.И. Диалектные материалы из Славонии // *Stephanos*. №. 2, 2020. С. 54–62¹⁶.

¹² Импакт-фактор РИНЦ 2017 – 0,110 (https://www.elibrary.ru/title_profile.asp?id=53949).

¹³ Импакт-фактор РИНЦ 2018 – 0,125 (https://www.elibrary.ru/title_profile.asp?id=51422).

¹⁴ Импакт-фактор РИНЦ 2019 – 0,0073 (https://www.elibrary.ru/title_profile.asp?id=53949).

¹⁵ Общий объем статьи 0,5 п.л., личный вклад автора – 0,25 п.л.

¹⁶ Общий объем статьи 0,4 п.л., личный вклад автора – 0,35 п.л.

45. Якушкина Е.И. Опыт реконструкции синонимических отношений в праславянской лексике на сербскохорватском диалектном материале // Јужнословенски филолог. № 76/2, 2020. С. 27–46.
46. Якушкина Е.И. Лексические изоглоссы хорватско-сербского пограничья // Исследования по славянской диалектологии, вып. 21–22. М., 2020. С. 109–117.
47. Якушкина Е.И. Семантические инновации в хорватских и сербских диалектах (на материале лексических выпусков Общеславянского лингвистического атласа) // Исследования по славянской диалектологии, вып. 21–22. М., 2020. С. 104–108.